

Андрей Радзиевский

на фоне морского пейзажа

грустный триптих

RDZ

Случайные СВЯЗИ

18+

Андрей Радзиевский

**Случайные связи. Триптих
на фоне морского пейзажа**

«ЛитРес: Самиздат»

1989

Радзиевский А.

Случайные связи. Триптих на фоне морского пейзажа /
А. Радзиевский — «ЛитРес: Самиздат», 1989

Все слышали: «Остерегайтесь случайных связей!», но все же они случаются. Этот триптих, из почти несвязанных между собой историй, родился в конце 80-х, а в 91-м приемная комиссия Литинститута, куда я его отправил, собеседование начала с фразы: «Вот вы эротический писатель...». В ответ возмутился, что пишу просто о жизни и добавил, что Венера Милосская - прекрасна, но она, увы, без рук. И хотя тема обязывает на определение - «эротика», но те, кому интересна «клубничка», не читайте. Это о жизни, о жизни «с руками», а точнее, со всеми эмоционально-половыми признаками, которые по сути своей неизменны во времени. Меняется только антураж.

Содержание

ПЕРВАЯ КАПЕЛЬКА	5
ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

ПЕРВАЯ КАПЕЛЬКА

– Куда идет этот поезд?

– К морю.

– А я никогда не была...

Полумрак, тамбур, звездное небо смешано с пылью дверного окна. Ее силуэт покачивается в такт вагону, редкие придорожные огни выхватывают вспышками восторг юных глаз.

Села на предыдущей станции. Полночи на перроне, поезда, не останавливаясь, все мимо, мимо. Занавесочки покачивались, за ними кому-то уютно, а здесь одна лавка, и та оккупирована крепко спящим мужиком. Его хмельной сон тревожит, последствия пробуждения непредсказуемы. Вокзальчик, тщательно помыв, закрыли. Три фонаря, две урны, полторы сотни шагов из конца в конец, первая электричка только утром. Состав появился тихо, как наваждение, вздрогнул всем телом, замер, и никто не вышел. Брела безнадежно вдоль зеленых вагонов. Холодный блеск черных окон, все двери закрыты.

Ему не спалось от духоты и предвкушения первого курсантского отпуска летом. Частые остановки нескорого поезда мучительно оттягивают встречу с домом и тормозами дергают по нервам: «Только бы не сняли ревизоры». Билетов в кассе не было, сторговался с проводником, едет под видом напарника.

«Надо бы посмотреть, не сел ли кто с проверкой...» – выскользнул из купе, открыл дверь на перрон, а тут она: маленькая, цветастый летний сарафан, спортивная сумка оттягивает плечо, в карих глазах усталость, удивление и замешательство от его неожиданного появления.

– Чего замерла? Забирайся скорей. Сейчас тронемся! – про себя подумал: «Одним “зайцем” больше, одним меньше». – Тебе до какой станции? Тогда лучше не спать, а то проедешь.

Старый плацкартный вагон битком, дышать нечем, присесть негде, разноголосый храп. В тамбуре терпкий запах окурков, гул колес, но прохладней.

– Ты и правда никогда не видела море?

– Видела. В кино, на картинах.

– Так это совсем не то: ни запаха, ни вкуса, ни настоящего цвета!

– А как оно пахнет?

– Хм? Морем!

– А вкус?

– Вкус? Солено-горьковатый... Вкус моря!

Она смеется искренне, почти по-детски:

– Издеваешься? А цвет – морской! Угадала?

– Только не обижайся! Я никогда не задумывался об этом. Просто море у меня было всегда. Даже не знаю сразу, как объяснить. К нему нужно прикоснуться, в него нужно нырнуть с головой, его нужно видеть на рассвете и на закате, когда каждую минуту меняются краски. Оно всегда разное...

Затаив дыхание, слушает его рассказы о приливах и отливах, о штормах и штиле. Слушает и мечтательно улыбается:

– Мне очень хочется увидеть его, увидеть по-настоящему...

– Так поехали!

– Скоро моя станция, мне выходить.

– Не выходи, и ты увидишь море.

– Раз и поехали, что ли? Меня же ждут. Так ведь нельзя с бухты-барахты!

– Мне кажется, жить, не зная, что такое море, нельзя.

– Ну, я вот как-то жила и живу.

– Ни разу не видела море, и это называешь – живу?!

– Но у меня нет билета!
– У меня тоже.
– Ты разве не проводник?
– Нет, я такой же «заяц», как и ты, только военно-морской.
– Ну, ты даешь! А куртка стройотрядовская откуда?
– Одолжил, иначе к морю не добраться, лето, с билетами туго, а хочется поскорее домой.
– Я тоже домой. Первые студенческие каникулы! – произнесла с гордостью, чуть вздернув носик. – А поезд придет прямо к морю?

Ему хочется выглядеть старше, и он промолчал, что его тоже – первый:

– Прямо к берегу.
– А когда?
– Завтра на рассвете.
– И мы сразу будем купаться?
– Можно и искупаться.
– Я не умею плавать.
– Я буду рядом с тобой. Утонешь – спасу.
– Будешь рядом, как добрый дельфин? Ты видел дельфинов?
– Видел много раз. Да, буду, как добрый дельфин, брызгаться, фыркать, тереться о твои колени. Даже могу прокатить на спине!

Лукаво улыбнулась:

– Тереться о мои колени? – в этот момент поезд резко затормозил, и сила инерции слова обратила в реальность, бросив ее прямо к нему. Искорки карих глаз близко-близко, тоненький ситцевый сарафан почти не ощутим под пальцами, и он чувствует ее колени. У обоих на секунду перехватило дыхание. Она сделала глубокий вдох и с жаром выдохнула в его губы: – Как же я хочу с тобой к морю! С тобой...

Уткнувшись в плечо, прячет глаза от смущения, и оба скрываются от своих неожиданно спутанных-перепутанных мыслей в словах, теперь уже ничего не значащих:

– А твои губы чуть-чуть соленые. Они как вкус моря? И пахнут, наверное, тоже морем.
– Наверное. Я чуть было не родился в море, маму прямо с дикого пляжа увезли в роддом. Возможно, давно стал его частичкой, какой-то его капелькой.

– Ну вот, мы еще не приехали, а я уже знаю его запах и вкус соленый. Ты капелька моря! Подари мне еще одну... Пстой, дыхания не хватает. Голова закружилась. В этом тамбуре болтает, как, наверное, на корабле в страшный шторм?

– Качает. Не совсем, чтобы на большом корабле, и не в страшный шторм. Волна так себе, не больше балла, а мы как будто на небольшом катере, – он строит из себя морского волка, но ей это нравится и подыгрывает:

– Меня укачало?!
– У моряков это называется – морская болезнь.
– Здорово! Еще не приехала к морю, не увидела его, а у меня уже морская болезнь. А знаешь, мне она нравится, это самая сладкая болезнь на свете!

– Во всяком случае, не надо лекарств, да и не помогут никакие лекарства.
– А что помогает?
– Обычно привыкают постепенно.
– И я привыкну, и голова так кружиться не будет? Но я не хочу привыкать. Не хочу!
– Так обычно бывает, сначала кружится голова, а потом привыкаешь.
– Не хочу! Хочу, чтобы она кружилась, кружилась... – свет пролетающего мимо перрона пунктиром врывается в тамбур. – Ой! Мы проехали мою станцию!
– Так мы же здесь не останавливаемся!
– Ничего, выйду на следующей, утром вернусь электричкой.

– Как выйдешь? А море? Ты уже передумала? Ты не поедешь со мной? Там солнце, волны, будем купаться, я буду твоим дельфином...

– Скажи, что ты все это придумал. Это же сказка. Так не бывает.

– Нет, не придумал. Вот поезд, вот я, чуть больше суток – и море будет у твоих ног.

– И ты как добрый дельфин будешь всегда рядом со мной?

– Да. Всегда.

– Господи, как же я хочу с тобой! Но ты же сам сказал, что все не бывает вечно, что все когда-нибудь заканчивается – привыкну, и уже не будет так сладко... Мы останавливаемся! Где моя сумка?

– У служебного купе, сейчас принесу. Может быть, останешься, и поедем вместе, к морю?!

– А ты не хочешь выйти со мной?

– С тобой хочу, но я не смогу без моря.

– Всё. Мне нужно выходить. Остановились. Какие-то вагоны, лес, а где перрон, где станция?

– Сейчас открою вторую дверь, посмотрю с другой стороны. Здесь то же самое. Может быть, лучше на следующей выйти?

– Нет. Будет слишком далеко возвращаться.

– Подожди прыгать, я тебя сниму со ступенек, – опускает ее на землю, прижимает к себе крепко-крепко и почти с мольбой в глаза, – поехали со мной! Поехали к морю!

– Не могу. Ты сейчас уедешь, подари мне на прощанье еще одну капельку моря...

Тишина, слышно, как пульсирует кровь у висков. На фоне едкого запаха просмоленных шпал из леса тянет прелой листвой, как дурманом... Она первой приходит в себя:

– Поезд тронулся! Садись! Ну, садись же! Сумасшедший! Запрыгивай! Добрый дельфин...

Он с подножки вагона, теряя ее силуэт во мраке, ничего не находит, кроме:

– Прощай!

...Замедляя свой бег, свет из угла в угол заскользил по узкому служебному купе. Остановился, уставился в лицо одноглазым фонарем, и его луч сверлит какой-то неясной тревогой: «А это еще что за станция?»

Проводник соседнего вагона тоже вышел на перрон, позевывая:

– Эй, «заяц», ты жив, ревизоры не сняли? Ну, держись, до твоего моря еще далеко. Который час?

– Половина пятого. Слушай, а где мы перед этим стояли?

– Минут двадцать назад? Да то разъезд был.

– Какой разъезд?!

– Обычный товарный разъезд. Видно, пропускали кого-то, вот и остановились.

– Товарный разъезд?! А что теперь делать?! – он с ужасом смотрит в хвост поезда, за которым дорога проваливается в лес, как в никуда. Его собеседник, не поняв, о чем это он, ухмыляется:

– Что делать, что делать? Ехать дальше! Это еще не конец, – и философски добавил, потягиваясь, – жизнь продолжается!

...

Маленькие станции одна на другую похожи, а время год от года стирает приметы. Отпуск после долгих скитаний по волнам северных широт козырем выпал на лето и вез его по тому же пути к родному южному морю. Сколько ни ездил, но так и не научился спать в поездах: «Где она села тогда? Если здесь, то минут через десять должен быть мост. Почему не уговорил ее остаться? Глубокая ночь, а она такая маленькая, такая хрупкая...» – и пальцы вспоминают

прикосновения к ситцу и жар ее юного тела: «Одна, с тяжелой сумкой, среди товарных вагонов, в темном лесу. Как же добиралась потом? Где она сейчас? Что с ней?»

Колеса истошно скрипят, швырнуло плечом о стенку тамбура, сигарета выскользнула из пальцев, брызнула искрами о металлический пол. Дверь распахнул и увидел дощатые вагоны, вагоны, вагоны. На другой стороне состава нет, только силуэт непроглядного леса. Из-за смрада железной дороги, как и тогда, потянуло прелой листвой, и та же тишина, и тот же набат в висках, и слышится, будто как ниоткуда:

– ...на прощанье еще одну капельку моря...

И его, пророчеством, безнадежное:

– Прощай!

«Ведь ничего такого особо и не было! Ну, целовались. Пацан еще был, курсант, зелень! Сколько после этого уже поцелуев, и не только поцелуев...» – он даже пытается их перебрать в голове, но почему-то так же, как те, их не чувствует, и так же, как тот – последний, когда поезд тронулся, не помнит, и от этого еще больше кругом идет голова. Мгновение, и, словно тот же мальчишка, готов сойти с поезда, только неожиданно остудил сипловатый голос пожилой проводницы:

– Эй, моряк, ты чего двери-то пораскрывал?! Тебе кто разрешал? Иди к себе в купе, станция скоро, там и нагуляешься. Не видишь, товарный разъезд. Бог его знает, кто здесь посреди ночи может шарахаться!

ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ

В начале робкий, а потом истерично длинный звонок в дверь. Второй час ночи, поселок погружается в сон. Первый этаж, трехкомнатная квартира – холостяцкое общежитие офицеров, в народе ласково прозванное – «Чудильник». Чертыхаясь, бреду открывать. Кроме меня, никто этого делать не собирается, братья по оружию спят молодецким сном, а звонок надрывается. Свои все дома, «неожиданных тревог» не планировалось: «Ну, кого же черт принес?!»

Вместе с желтым светом лампочки с лестничной клетки врывается вопрос в лоб:

– Спички есть?

Огромное желание выматериться и хлопнуть дверью, но сквозь еще слипшиеся веки, снизу вверх, из темного силуэта вырисовываются: на грязном бетоне голые ноги в заношенных тапочках, запахнутый, но незастегнутый болоньевый плащ, одна рука держит его полы, во второй – сигарета, на худенькой шее бьются две голубенькие жилки, подбородок скрежещет зубами, в глазах вопрос, но вот он совсем не о спичках.

Окончательно просыпаюсь, привыкаю к свету, но не сразу сообразив, что ответить без ругани, всматриваюсь более внимательно и теперь уже сверху вниз: волосы слипшимися темными сосульками по лбу, бледные щеки, плечи ерзают, шурша неуютной тканью, ненакрашенные ногти местами погрызены, меж рыжих от никотина пальцев – сигарета мятая-перемятая. Не удержанный нервной рукой плащ слегка приоткрывается и сообщает, что, кроме него, на теле, скорее всего, ничего больше ожидать не стоит.

Она первой не выдерживает затянувшуюся паузу:

– Ну, дашь прикурить-то? – пошатнулась, пахнуло изрядно выпитым алкоголем.

Иду на кухню за спичками, она идет следом, не дожидаясь приглашения. Привалившись к косяку у окна, пытается прикурить, спички ломаются, сигарета тоже. Даю целую, подношу огонь. Ладонями обхватывает мою кисть, будто прикуривает на ветру. Руки горячие, на правой блеснуло обручальное кольцо. В полумраке не видно, но почему-то вспоминаются ее ногти. Заранее знаю ответ, но все же задаю никчемный вопрос:

– Муж в море?

Встрепенулась, отдернула руки.

– Морячит, – полушепот, полухрип, – третий месяц пошел, вторую неделю засыпаю под утро. Вот пью понемножку, сначала помогало, теперь только хуже...

– Да, уже не немножко.

– Ну, перебрала чуток, сил больше нет... – неуверенно подошла, схватила дрожащими руками за локти и выпалила скороговоркой, словно боясь, что перебыю на середине фразами, явно заученными в бессонных ночах. – Хочешь выпить? У меня еще осталось. Я рядом живу, пойдем ко мне. Через подъезд. Пойдем, не могу больше там одна, как в клетке... – холодная болонья щекочет мои колени, а ее ногти с каждым словом впиваются в меня всё глубже и глубже. Не могу забыть их покусанные края, наверно, по причине неуходящего раздражения от неожиданной побудки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.